

Сибирь колесовали поезда —
Вела их паровозная звезда.

Стонал, стонал столыпинский вагон:
“Паду на рельсы”, — неизбывный стон.

Этапами гоняли русский люд,
А хлад сибирский по-медвежьи лют.

И выдержать его не каждый мог,
Но где у русских болевой порог?

Ты можешь, может он, и я могу
Замёрзнуть и воскреснуть на снегу.

А после встать и превратиться в даль,
Что объясняет русскую печаль.

Кривить звериным криком мёртвый рот,
Но распрямить к обрыву поворот.

И лишь простёртую оплакав мать,
Шагнуть вперёд — и вражью рать ломать.

РУССКИЕ

Никто — ни Бог, ни царь такой-сякой —
На русские вопросы не ответит,
Пока нам солнце аховое светит
И тучи ходят хмуро над рекой.

Спросить героя?.. Но сменился строй —
Героем не становится любой;
Последний Бог и царь: кому — рябой,
Кому — последний, может быть, герой.

Мы — русские, и больше ничего.
Разделят нас на две неравных части:
Одним сибирское привалит счастье,
Другим — Европа... Только и всего!

Ты этого хотел, Иван-дурак?
Ужель про “больше ничего” не слышал?
Чего же ты с котомкой в поле вышел
И стал?.. Зачем стоишь?
— А просто так!

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Ночные разговоры через полстраны —
Простим друг другу их, потворствуя, чудачась;
Как странно то, что мы внезапно сведены,
А вроде разведённые,
и пусть о том судачат.

Твоё дыхание и сбивчивая речь
Имеют смысл... Да пусть и не имеют смысла!
Почти без разницы, кому твой сон беречь,
И дней твоих урочных неизвестны числа.

Мы говорим — о чём, не важно, боже мой! —
Пока не кончатся несчётные минуты.
И длится пусть моя весна твоей зимой
И осознанием скорой неизбежной смуты.

ИОРДАНЬ

Иорданской водою омылась
И забыла, что было вчера.
Солнце белое — высшая милость —
Осветило мои вечера.
Полетела сама голубицей
За пределы предела дорог...
Я себе показался убийцей,
Но дарует прощение Бог.
Он прощает убийство любви,
Излучая Фаворский мне свет:
Повторюсь не в расхристанном слове,

А открою священный завет.
И теперь серебрится олива,
И заходится в плаче стена.
Ты от счастья была несчастлива,
Это счастье — когда не одна...
Потому и пройти по воде ли,
Пять хлебов, голодая, вкусить
И святую рубаху на теле
Не сорвать и уже не сносить.
Мне бы тоже омыться — по-русски! —
Вифлеемскую зрея звезду...
И ворочаю плечи до хруста —
Иордань прорубаю во льду.